

Время гласности и бремя секретности

Опубликовано в газете «Социалистическая Индустрия» (январь 1989)

Перепечатано в «Неделе» («Известия») №4 1989.

Казалось бы, смешно делать тайну из отсталого производства, архаичной технологии, компьютеров прошлых поколений, предприятий, загрязняющих окружающую среду. Однако, мы это делаем. Видимо, потому что по мере нашего отставания, количество тайн сокращается, чего нельзя сказать обо аппарате, призванном их охранять. Вот и негласный указ продолжать охранение, не признаваться. Для чего? Хотя бы для того, чтобы не уронить престиж.

Засекретить всегда дозволяется. А чтобы рассекретить нужна известная дерзость, это чревато. Поэтому процесс засекречивания у нас почти необратим. Он расплзается, постепенно выходя за рамки здравого смысла. И вот уже научные и технические секреты, известные всему свету, остаются тайной для инженеров соседнего завода, занимающихся аналогичным производством. А уж межотраслевой обмен идеями, технологиями, изобретениями вообще невозможен. И общий уровень, темпы развития техники неуклонно снижаются.

Гипотезы, научные идеи и теории вообще, казалось бы, не подлежат засекречиванию. Однако, отсутствие четких границ между наукой и техникой и здесь способствует наведению «тени на плетень». Работает чиновничий принцип: запретить проще, чем разрешить. Следуя ему, бюрократы всех рангов и принцип «разрешено все, что не запрещено», стараются переделать в диаметрально противоположный.

Одна из «любимых» областей секретности – наши ресурсы: природные, сырьевые, экономические, материальные. В эпоху спутников и компьютеров, способных вычислить все промышленные связи и расходные коэффициенты, данные обо всех ресурсах становятся широко доступными, их знают специалисты. Разумеется, кроме наших собственных экономистов. Ясно, как мало логики в охране координат и объема запасов месторождений полезных ископаемых. Кто их украдет? И кому это интересно, если на освоение месторождений собственными силами у нас уходит 15-20 лет?

До последнего времени пандемия секретности оправдывалась необходимостью сохранения оборонных сведений. Но вот пришли новые времена, политика холодной войны и конфронтации уступила место переговорам о разоружении и договору о ликвидации целого класса ракетного оружия. Заводы по производству РСД и РМД подлежат инспекции и постоянному наблюдению. Однако, перестройка политического мышления еще не гарантирует перестройки бюрократического аппарата. Это другое ведомство.

Типичная ситуация заключается в том, что ведомственные тайны охраняются более бдительно, чем государственные. Такой приоритет легко объясним возможностью сокрытия служебных упущений и безобразий. Обнародование их грозит неприятностями конкретным лицам, в то время, как раскрытие государственных тайн не столь опасно. Вот ведомства и стараются возвести свои тайны в ранг государственных. Только этим можно объяснить феномен длительного сокрытия сведений об авариях, загрязнении окружающей среды, пожарах, эпидемиях и других наших бедах. Словом, публикациях о всяческих

несчастьях препятствуют не столько потому, что мы «бедные, но гордые», а для сокрытия своих проколов, и неприглядного состояния дел.

Поборники секретности почему-то не замечают, или не хотят замечать, что ситуация в мире существенно изменилась, не только по сравнению 30-40-ми годами, когда царил дух шпиономании, но и с 60-70-ми годами. Уровень жизни, оборонный потенциал, авторитет государства теперь уже не зависит от охраны сведений, а только от развития науки, техники, образования, информатики. А излишняя секретность как раз и тормозит их развитие.

Помимо этой незримой, хоть и дорогой платы за секретность, есть и другая, отнюдь не символическая. Кто-нибудь считал сколько у нас вахтеров, охранников, цензоров, служителей первых отделов? Дай бог, если их меньше 2% от всего работоспособного населения. Конечно, предприятиям, с которых можно вынести материальные ценности нужна охрана. Но райкомы, исполкомы, институты или Академия общественных наук, которые должны работать в гуще народа: что там охраняют?

Помню, в турпоездке по Перу нас привели в министерство иностранных дел. Больше всего наших туристов поразило отсутствие вахтеров и охраны. Японцев однажды спросили, зачем вместо постоянных полицейских они иногда выставляют на перекрестках муляжи. «Мы не так богаты, - ответили они, - чтобы позволить здоровым мужчинам бездельничать целый рабочий день».

У нас в охране заняты не только старушки – «божьи одуванчики». Мощный аппарат здоровых мужчин не сеет, не пашет, не строит. Он выписывает и проверяет пропуски в учреждениях, в пограничных зонах, на предприятиях. В институте заместитель директора по режиму, с надбавкой «за звание», иногда получает зарплату выше, чем доктор наук, даже директор института. А ведь он не конструирует ракеты и локаторы, он только следит за соблюдением инструкций.

В моем институте «Комплексного освоения недр» Академии наук СССР есть доктор наук, сделавший карьеру на «Актах экспертизы». Он контролирует всех сотрудников, которые пытаются опубликовать свои научные работы, и никто не хочет портить с ним отношения, включая дирекцию.

Игра в секретность – это раковая опухоль, развившаяся из нормальных «клеток» охраны действительно государственных тайн, превратилось в настоящее бедствие для науки. Она мешает обмену информацией между учеными, как вне, так и внутри страны. Еще одна цена этого феномена – неоправданное дублирование научных работ, трата времени ученых на формальные процедуры, помеха на пути новых идей, развития науки.

Процедура опубликования научной работы удивительно напоминает детскую игру «да и нет не говорите!». Чтобы получить акт экспертизы, разрешающий публикацию, автор до последнего времени вместе с 5-членной комиссией обязан дать клятву, что в статье не содержится ничего нового, оригинального и интересного, что там не использованы незавершенные научные работы (как будто научную работу можно окончательно завершить).

В соответствии с правилами этой игры клятва ритуально оформлялась большим количеством бумаг с гербовыми печатями. Подчистки и исправления в них не допускались, как в Госбанке. В итоге трудоемкость оформления сопроводительных документов нередко превышала трудоемкость написания статьи. Поэтому авторы

зачастую предпочитают отказываться от обмена информацией с коллегами, чем заниматься этой бессмысленной работой.

Тек кому же все это нужно? Занимающиеся секретностью бюрократы умеют доказать необходимость своего существования «государственными интересами». Количество секретов растет от инструкции к инструкции, в том числе за счет засекречивания сведений, известных всем у свету.

Конечно, в этом мощном, хотя и малополезном аппарате, не одни только бездельники, бездари и неудавшиеся следователи. Есть и толковые люди. Так давайте задумаемся, на что мы расходуем их силы и рабочее время?

Сейчас наметился некоторый прогресс в рассекречивании, Упростился порядок оформления актов экспертизы. Мы сможем пользоваться настоящими географическими картами взамен искаженных с целью засекречивания. Но еще много вопросов остается.

Эти вопросы ждут ответов. Секретность – обратная сторона гласности. Нельзя развивать гласность, не сокращая секретность и стоящий на страже ее бюрократический аппарат. Нам нужно научиться смотреть на жизнь открытыми глазами. И открыто говорить обо всем.

Л. Барский

доктор технических наук, профессор.

Я вытащил из своего архива эту старую статью, в свое время наделавшую много шума не только среди моих коллег, но и в журналистских кругах, измученных цензурой и секретностью. Она оказалась удивительно актуальной теперь, когда те же органы отстаивают свое существование, сажая в тюрьмы ученых.
